

Новое время, 1899, 28 декабря № 8561

То же: Перцов П. Первый сборник. Спб. 1902.

Мат. 1318

Дядя Ваня
(Письмо из Москвы).

„Скучно жить на этомъ свѣтѣ, господа!“ Но ужъ скучнѣе той жизни, я думаю, не бываетъ, которую изобразилъ Антонъ Чеховъ въ „Дядѣ Ванѣ“ и которую неподобно передаетъ труппа московскаго художественнаго театра.

— 863 —

Свинцовая жизнь подъ свинцовымъ небомъ — весь пейзажъ типичный для Чехова. Здѣсь все скучаютъ. Тоскуетъ несчастный до жалости и жалкій до невольной къ нему вражды дядя Ваня, на 47-мъ году спохватившійся влюбиться въ чужую жену, послѣ того какъ весь вѣкъ просидѣлъ за счетами и работами. Тоскуетъ молодая его племянница, полюбившая на безлюдь красиваго и интереснаго доктора. Тоскуетъ и этотъ докторъ, уже „опустившійся“ на томъ же безлюдь, потягивающій водку и не способный отвѣчать на молодое чувство. Тоскуетъ и предметъ общаго увлеченія, красавица-жена стараго профессора, все не рѣшающаяся измѣнить мужу не то по чувству долга, не то просто по лѣни. Тоскуетъ и самъ профессоръ, подагрикъ и ревматикъ, больной сверхъ того, оскорбленнымъ самолюбіемъ и самомнѣіемъ. Цѣлая больница неудачниковъ и озлобленныхъ: Силоамская купель разслабленныхъ, въ которую никогда не сойдетъ вѣстникъ исцѣленія. Всѣ эти люди заперты, какъ въ клѣткѣ, въ деревнѣ — въ тѣсныхъ стѣнахъ своего гнѣзда, куда одни попали поневолѣ, а другіе не сумѣли во время вылетѣть. Страсти растутъ въ напряженной атмосферѣ, любятъ съ навязчивостью отчаянія и ненавидятъ слѣпо и безумно, наконецъ, стрѣляютъ разъ, два — конечно, мимо, и минутная энергія падаетъ, чтобы смѣниться агоніей покорности.

На мгновение врывается подъ свинцовое небо лучъ солнца — молодое, свѣжее чувство дѣвушки; со сцены пахнуло счастьемъ. Но свѣтъ быстро гаснетъ, счастья „не судилъ Богъ“ — и опять свинецъ, свинецъ. Скучная шутка — жизнь!

Изъ всѣхъ книжекъ чеховскихъ разсказовъ — только двѣ носятъ особое заглавіе: „Въ сумеркахъ“ и „Хмурые люди“. До этихъ заглавій были „Разсказы“, „Пестрые“ и простые, и послѣ опять пошли „Разсказы“, „Новые разсказы“ и еще „Разсказы“. Другихъ заглавій Чехову, очевидно, не придумывается; зато придуманныя очень характерны. Именно „сумеречная“ жизнь „хмурыхъ“ людей — вотъ что лучше всего выходитъ у Чехова, вотъ гдѣ „паюсъ“ его творчества.

Сумеречная жизнь хмурыхъ людей... Я думаю, оттого такъ и страшна эта жизнь, что въ ней нѣтъ ничего страшнаго. Тургеневъ былъ правъ, говоря, что это страшнѣе всего. Я думаю, этотъ ужасъ разсѣялся бы и свинцовый небосклонъ приподнялся, если бы подъ него проскользнуло хоть сколько-

То же: П. Перцов. Перв. сб-к.

нибудь „по-тусторонняго“. Главное, что нѣтъ ничего страшнаго, ничего загадочнаго — ничего, что вѣяло бы „оттуда“. Соня потянулася было своей молодой душой „на ту сторону“, запросила „вѣчнаго“ — вѣчныхъ движеній души, вѣчныхъ воспоминаній. И дверь „туда“ оказалась запертой. Дядя Ваня всю жизнь читалъ брошюры, дѣлалъ на ихъ поляхъ отмѣтки, и, былъ, какъ говорить его мать, либеральная старушка, — „свѣтлою личностью“. Въ 47 лѣтъ онъ вдругъ сообразилъ, что это не все, и что онъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. Онъ рванулся „туда“, захотѣлъ того же, что Соня... въ 47 лѣтъ! Его страшный крикъ: „пропала жизнь! — рѣжетъ по нервамъ, но поздно: нѣтъ „страшнаго“ въ жизни, и есть] счеты, брошюры, вино и ожиданіе смерти. Жена профессора вышла замужъ по случайной ошибкѣ чувства, совершенно разочаровалась въ мужѣ и не знаетъ, куда итти и уходить ли, гдѣ и какъ забыть скучную лѣнь жизни. Самъ профессоръ, казалось, былъ близокъ къ наукѣ, къ вѣчному въ жизни разуму, но наука для него была только „службой“ и „ярмаркой тщеславія“, и тупой эгоизмъ заслоняетъ отъ него даже самые близкіе интересы близкихъ людей. Одинъ докторъ еще борется, онъ занимается не только медициной, но и разведеніемъ лѣсовъ, и когда онъ говоритъ, съ силой въ голосѣ и блескомъ въ глазахъ, о черныхъ язвахъ настоящаго и возможной радости будущаго, въ которой и его скромная работа сыграетъ свою роль, — окружающіе пріободряются, зовутъ его „талантомъ“, и женскія сердца начинаютъ биться чаще.

Я не знаю ничего безотраднѣе послѣдней сцены „Дяди Вани“. Эта страстная, безнадежная рѣчь Сони, объ отдыхѣ „тамъ, тамъ“, гдѣ она, бѣдняжка, и бѣдный дядя Ваня услышатъ ангеловъ и увидятъ „все небо въ алмазахъ“, — звучитъ какъ отходная. А все-таки и она хоть сколько-нибудь вноситъ свѣта въ потемнѣвшую душу дяди Вани и онъ сладко плачетъ на эти слова...

Играющій миссис Телова, какъ я уже сказалъ, бестолковостью
самые замечательные в этом исполнении — бесспорно ан-
самбль и режиссерская постановка. <...> И что касается
в антракте я услышалъ драматическое: „не покидаю,
это будетъ сказка зрелища“. О, безотрадность
когда-то мы не покидали.

Москва
22 января 1899г.

П. Перцов.

V
IX, 254-55

(большинство
сохранилось)